

Ирина ГОВОРУХА

ЗАВИСИМЫЕ ОТ ЖИЗНИ

Издание второе

Киев
Саммит-Книга

УДК 821.161.1'06(477)-34
Г62

*Иллюстрация на обложке:
Shutterstock.com/Marriage (Фотограф Radharani)
Стандартная лицензия*

Говоруха Ирина.

Г62 Зависимые от жизни / Ирина Говоруха. —
2-е изд. — К. : Саммит-Книга, 2018. — 552 с. —
(Серия «Отпечатки»).

ISBN 978-617-7560-73-8

ISBN 978-617-7182-68-8 (серия)

Эта история не имеет ни начала, ни конца, как и сама жизнь. Ее герои зависимы друг от друга, вспышек любви и укулов ревности. Они подвластны влиянию солнечного затмения и капризам погоды. Течение их жизни определяет лунный календарь и прогноз астролога. Выбирая одежду, следуют моде. Принимая решения, думают о том, как посмотрят на это другие. Обусловленности прочными нитями сворачиваются в запутанный клубок и поглощают людей, порой уничтожая их как личность. Выбраться из этого кокона невероятно трудно, но главные героини книги находят выход, сохранив свое лицо, свободу и любовь.

УДК 821.161.1'06(477)-34

Все права защищены.

Охраняется законом об авторском праве.

*Воспроизводить какую-либо часть этого издания
в любой форме и любым способом без письменного согласия автора запрещено.*

ISBN 978-617-7560-73-8
ISBN 978-617-7182-68-8 (серия)

© Ирина Говоруха, 2018
© «Саммит-Книга», 2018

Книга первая

Любовь наотмашь

Я делаю свое дело, а ты делаешь свое дело.
Я живу в этом мире не для того, чтобы соответствовать
твоим ожиданиям.

И ты живешь в этом мире не для того,
чтобы соответствовать моим ожиданиям.

Ты – это ты.

А я – это я.

И если нам случилось встретиться друг друга –
это прекрасно.

А если нет – этому нельзя помочь.

(Ф. Перлз, 1951)

...Май прошлого года начинался так же, как и его предшественник: с пересушенной дряблой пыли, жары и лопнувших почек. Солнце расплескивалось щедро, словно из ведра, а потом отражалось в зеркалах-псише¹. Старый снег полностью исчез, и распустились тюльпаны – красные с кровью и белые с бахромой.

Отовсюду вкусно пахло блинчиками на кислом молоке и свиными шашлыками, влажным черноземом и березовым дымом. А еще ароматами, которые не сможет собрать в один флакон даже самый искусный парфюмер:

¹ Старинное зеркало в раме с особыми стержнями, благодаря чему его можно устанавливать в наклонном положении.

Ирина Говоруха

горчинкой каучуковых одуванчиков, молодой, еще без ампульных волосков, крапивой и крепким пыреем.

На каждом углу уже продавались перевязанные капроновой ниткой ландыши, венки из искусственных цветов и березовый сок, заправленный жареной пшеницей и изюмом. Рассада помидор, посадочный лук-севок и кусты анютиных глазок. В листьях клубники прятались майские жуки. Бездомные собаки целыми днями лежали на асфальте, прогревая свои тощие бока. Ветра гоняли обертки, проездные талоны и пустые пивные банки. И постоянно хотелось спать, возможно из-за весеннего авитаминоза.

Близилась майские выходные. Однообразные и растянутые, словно сырмятная кожа для тетивы. А еще Белтейн – кельтский праздник начала лета, время невероятной силы. Когда-то в этот день люди посыпали дороги и подоконники лепестками примул и старались обходиться без ножей. К вечеру проводили скот между двумя главными кострами, сложенными из девяти пород дерева. Но самое пикантное – в этот день можно было заниматься любовью с тем, кого выберет тело. И люди уходили в лес, а утром возвращались с ветками старого боярышника, руки после которого стойко пахли селедочным рассолом и мокрой собакой.

С началом тепла я всегда делала ревизию гардероба. Стаскивала с верхних полок летние платья и Т-юбки, приглаживала рукой цветочный шелк и даже без особой примерки складывала одежду в открытые шкафы. Мой вес не менялся в течение десяти лет и колебался между 49 и 50 килограммами. Поэтому на весах ведем, которые

до сих пор хранятся в старинном городке Аудеватер в провинции южной Голландии, мне бы никогда не выдали пожизненный сертификат невинности. И я бы попала в 80% клейменных за легкую хитрость, лунные практики и дар сексуального обольщения.

В коридоре уже стояли синие и оранжевые балетки, на балконе досыхали любимые плащи и шарфы-капюшоны. Волосы потихоньку привыкали к кардинально измененному цвету – что-то между ржавчиной и жженым апельсином. И почти что стерлись несколько странных свиданий, покорно бредущих друг за другом, словно верблюды по Дороге Благовоний².

Их было три. Три мужчины, претендующие на мои мысли и тело. Непохожие по внешним данным, темпераменту и характеру, словно жители разных миров. Каждый со своим оттенком эмали, своим лоском и харизмой. А еще со своими особыми феромонами, напоминающими груши зимних сортов.

Первый оказался красавчиком с высеченным, словно из камня, профилем. Его лицо и тело состояло из одних углов: подбородок, нос, скулы, угол плеча и дуга колена. Во взгляде проскальзывало что-то орлиное и слишком решительное. Он бежал за мной от магазина игрушек, спотыкаясь и переругиваясь с прохожими. Выскакивал вперед на полшага и опять оказывался за спиной, чтобы затянуть пряжку сандалии. Заискивающе просил телефон и пытался в первые секунды общения уложить все свои плюсы – давно разведен, взрослый сын живет в Штатах, а гражданский брак далеко в прошлом.

² Торговый путь, по которому доставлялись благовония: ладан, смирна и африканские специи.

Ирина Говоруха

Антон работал в фитнес-клубе барменом, исключительно в ночные смены.

– А кто тренируется в такое время?

– Когда как. В среднем, один-два человека.

– Тогда зачем работать?

Антон пожал плечами, откусил яблоко и переключился на тему правильного питания. Он с удовольствием делился рецептами фитнес-коктейлей и напитков здоровья из простокваши, свекольного сока и шпината. Рассказывал, как правильно высчитать калории и накачать рельефные мышцы живота, икроножные и ягодичные. И как лучше их потом подчеркнуть. Желательно – приталенными рубашками и зауженными брюками.

Он редко брился, регулярно увлажнял руки и пользовался маслом кананги, считая, что ни один одеколон не сравнится с этим афродизиаксом. Только его кожа обыгрывала масло по-своему. Она навязчиво источала яркие ноты засахаренного варенья и приторных цветов, типа садовых лилий и душистого горошка.

Его левая рука была перевязана плотной красной ниткой. Там же болтались браслеты-обереги от сглаза с черными магическими агатами. Они напоминали комбоскини – четки, которые вряд ли плели афонские монахи с сорока молитвами. Образ завершали мужские бусы с амулетами Пасифик и Кханда³.

³ Амулет Пасифик способствует укреплению духа, защищает от нечисти, агрессии и сглаза. Кханда – символ сикхизма, самостоятельной религии в среде индуизма и ислама, в которой почитают единого Бога, имя которого никому не известно. Восьмая по численности религия в мире.

В социальной сети Одноклассники у него на странице были загружены 575 фотографий, и подписывался он Антоном Ягужинским.

– Почему Ягужинский?

– Хорошо звучит.

Я так и не узнала его настоящую фамилию. Все фото были однотипными, скучными и профессиональными. Антон в коротком шерстяном пальто от Armani, шапках, связанных толстыми спицами, и горнолыжном комбинезоне. В черной рубашке, джинсовых влитых шортах и бейсболке. В деловом костюме, пляжном халате и просто в плавках. В рваной майке, зеленом кардигане от Ральфа Лорена и кожаных мокасинах от Hermes.

Он считал себя художником, и меня заинтересовали его работы.

– Но чтобы на них посмотреть, нужно прийти ко мне домой. Им противопоказана улица.

Я сразу же нафантазировала себе полотна, выполненные в какой-то редчайшей технике. Они наверняка боятся попадания прямых солнечных лучей, перепада температур и сквозняков. Например, что-то из пергамента и меха, сохраняющихся только при шестнадцати градусах по Цельсию и влажности воздуха 50–60%. Возможно, эти картины написаны на коже или дереве и не переносят копоты, сажи и пыли? Или что-то из олова, и есть риск заболеть оловянной чумой? Или из воска, для которого невыносимы двадцать пять градусов тепла? Может, они натянуты на подрамник без крестовин и скосов, и для них смертельна повышенная влажность? Я даже представила себе специальный журнал, куда он записывает температурные показатели два раза в сутки.

Ирина Говоруха

И была уверена, что он предложит мне вымыть руки, тем самым их обезжиривая, а потом надеть небеленые хлопчатобумажные перчатки. Но то, что меня ожидало, не выдерживало никаких, даже самых смелых предположений.

Квартирка в самом конце длинного некрашеного коридора оказалась крохотной и очень заставленной. Она была похожа на мышиную норку или на деревянную табакерку. Мне даже померещилось, что при входе захлопнулась крышка и запахло нюхательным табаком. Над каждой дверью свисала музыка ветра. Над кроватью – ловец снов. Много фен-шуйных вещей, расставленных на кухонном столе, полочке в прихожей, телевизоре и просто на шкафу. Собачки Фу, веера и Пи Яо. Несколько золотых смеющихся Будд, старцев и уточек-мандаринок. Коллекции китайского белого чая в шкатулках, коробках и подвесных ящиках. Чайники и чашки с драконами, вазы с лилиями, трехлапая жаба, кусочки меха для увеличения капитала и сухие букеты для нейтрализации негативной энергии. На миниатюрной кухне периодически вздрагивал холодильник, полностью залепленный магнитами с репродукциями картин Гапчинской. Ими были украшены и дверцы навесных шкафчиков. И старая хлебница.

Антон ходил за мной по пятам и постоянно что-то рассказывал, наклоняясь над левым ухом.

– Я изучал потоки энергии Ци. А еще – традиции Рейки, но пока не получил инициацию. Пройшел только первую ступень. Хочешь, я наложу на тебя ладони?

– Но у меня ничего не болит. Меня не от чего исцелять.

– Здоровых людей не бывает.

А потом выдал зазубренную фразу:

– Я могу передавать исцеляющую энергию «Ки», создавая при этом медитативную атмосферу. А еще я посещал школу цигун.

– Но опять не закончил?

– Не хватает времени.

– А на что хватает?

– Ты знаешь, я так занят, что совсем ничего не успеваю.

Дом был плохо проветрен и задышался от собственных испражнений. Старые хозяйские шторы на окнах не стирались с первого дня вселения. Всюду висели картины лебедей, волков и тигров, выполненные на картонках из-под продуктовых ящичков. Множество подушек, разбросанных по углам. Неоднородные палантины на креслах и его иллюстрированная спина... Антон подчеркнул, что для дома существует домашняя одежда, и непринужденно снял рубашку.

На его спине красовалось самое непонятное мне тату Божьей Матери с младенцем, нанесенное с учетом всех мелочей и норм станковой живописи. На плечах – выдержки из книги Иова: «Наг я вышел из чрева матери моей, и наг возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! (Иов, 1, 21)». Он стал поигрывать мышцами, чтобы продемонстрировать разнообразие мимики божественного лица и обратить внимание на мастерскую затушевку и наложение теней. Мне стало дурно.

– Красиво?

– Да. Но мне кажется, это не то место.

Ирина Говоруха

Антон обиделся.

– Я делал его несколько лет, по сантиметру в месяц. А на живот придумал нечто другое: волка и волчицу. Она смотрит на него, а он воет на полную луну. А ноги...

Дальше я уже не слушала, потому что он достал свои работы. Из глубины темного платяного шкафа. Это был пакет, завернутый в женскую шерстяную шаль, с тремя хлопчатобумажными носовыми платками. Он их купил несколько лет назад в подземном переходе. На первом изобразил три розы – красную, черную и голубую. Обычными шариковыми ручками. Платок уже был не очень чистым и напоминал дешевую поздравительную открытку.

– Ну как? Впечатляет?

Я искренне ответила: Да! У меня в голове не укладывалась живопись ручкой и взрослый сорокалетний мужчина, называющий себя художником. На втором платке была незаконченная церковь еще без объема куполов. На третьем – что-то из трагедии Данте.

– Я это рисовал в тюрьме. Ко мне подходили сокамерники, хлопали по плечу и заверяли в огромном таланте. Пророчили большое будущее. И видишь, что из этого получилось – ничего. Я живу в бедности, в маленькой съемной квартирке.

Я не сдержалась:

– А что ты сделал для того, чтобы выставляться и жить в другом месте?

Антон захлопал глазами и даже растерялся:

– Как что? Вот же мои работы... Меня обязательно должен был кто-то заметить – какой-то жирный спонсор или агент с волосатой лапой – и продвинуть дальше.

Вот смотри – мое профессиональное портфолио. Я же в душе актер, а пробиваются одни бездарности.

Он схватил с полки рыжий конверт и высыпал фото на диван. Со всех снимков смотрело недовольное, чуть брезгливое лицо. Дальше бросалось в глаза идеальное тело в кожаной куртке в стиле 30-х годов. Треугольные уголки рубашки, черные очки и щетина. Вдруг он вскочил, метнулся по комнате, поправил съехавшие диски и одернул коротковатую тюль. Было заметно, что он нервничает:

– Я уже подумывал оказывать секс-услуги. Не просто лишь бы кому, а богатым дамочкам. Знаешь, таким, которые ездят на крутых тачках и ужинают в ресторане «Прага» или «Монако». А вот секса у них нет, потому что вокруг одни хлюпики с преждевременной эякуляцией и полным непониманием женской физиологии. Конечно, к ним не так просто подступиться.

Антон внимательным взглядом окинул меня всю, зацепившись за кружевную юбку и кремовую футболку с длинными рукавами. Потом рассмотрел руки и кольцо с поддельным малахитом. В глазах промелькнула ясная мысль:

– Может, у тебя есть знакомые? Обеспеченные подружки, которым нужен хороший секс? Может, нужно их мамам? Меня не смущают женщины за шестьдесят, с обвисшей грудью и толстыми венами с мой палец. Я не подкачаю. Я здоров, у меня красивое тело и все в порядке с размерами. Хочешь, разденусь?

Он потянулся к резинке шортов. Я громко вскрикнула и остановила его порыв:

– Ты шутишь?!

Ирина Говоруха

– Нет.

Передо мной стоял мужчина-переросток, с накаченными мозгами и школьным уровнем IQ. Кокетливо хлопал ресницами. Его внутренние часы шли против часовой стрелки. В сторону регресса. Он уже переместился к плите и варил кофе, колдуя над туркой. В открытую форточку квакали лягушки-самцы, широко открывая рот и используя специальные голосовые мешочки. Они пели свою традиционную завлекающую песню.

– Нет, я серьезно. Абсолютно серьезно. Я давно над этим думаю. Я узнавал: час такой работы оценивается от пятисот до восьмисот гривен. Заработаю хорошие деньги, куплю себе квартиру на Печерских Липках и машину, Порше как минимум.

Он снял фартук, в котором отмерял зерна, сел за стол, вырвал лист из старой ученической тетради и стал считать:

– Вот смотри. За ночь я легко могу обслужить несколько дамочек, это уже триста долларов. За месяц – семь с половиной тысяч. А за год такой работы...

Антон посчитал и присвистнул.

– Да за год я уже буду королем! Что-что, а ублажать я умею. Да ко мне очередь будет выстраиваться! Клиентки начнут передавать из рук в руки. Знаешь, как долго я могу?

Оказалось, что несколько дней назад его уволили с работы. Без предупреждения и отработки. А так как богатых дамочек еще не завелось, решил прибегнуть к запасному варианту и погрузиться в творчество. Придумал клеить сувенирные картины с деревянными забор-

чиками и сельскими домиками. У заборов – подсолнухи с прореженными семечками и мальвы выше шиферной крыши. А еще много травы – густой и нечесаной.

Недалеко от гостинки, в которой он жил, находился магазин подарков ручной работы. Антон направился напрямик туда договариваться о сбыте. Его внимательно выслушали и попросили принести образец. Образца еще и в помине не было.

Через неделю я спросила:

– Ну что, сделал пилотный вариант?

– Нет, не было времени. Вчера разложил все материалы и стал считать...

– А что ты считал?

– Прибыль, конечно. Я считал затраты на материалы, количество проданных сувениров в месяц и свой доход. Получается неплохо. Около тысячи долларов.

– А сколько сувениров ты сделал за вчерашний вечер?

– Пока ни одного. Сперва записал расходы и постирал вещи. Потом фильм начался. «Индиана Джонс и храм судьбы» – видела? Я тоже много раз смотрел, но решил еще раз освежить в памяти. Когда закончился, было что-то около полуночи. Я заварил себе чай, пришел с чашкой, а там уже идет второй – «Горькая луна». Так что лег я около трех. И вот, только проснувшись, звоню тебе.

Я посмотрела на часы. Был почти час дня. Мой мозг отказывался принимать подобный образ жизни, и поэтому в голове постоянно проходило двухфазное короткое замыкание. Антон сладко зевнул в трубку и оживился:

– Слушай, а ты помнишь о моей просьбе?

Ирина Говоруха

– Ты о чем?

– Ну, насчет подружек? Может, кому-то уже позарез нужен мощный секс? Ты же знаешь, я – как машина, могу по несколько часов.

– А смысл? Разве смысл в количестве времени? Мне кажется, смысл в результате.

– Да все вы так говорите. А сами хотите, чтобы это было как можно дольше, жестче и грубо. И желательно в попу. Я когда-то засекал: мой рекорд без остановок и эякуляции – ровно три часа.

И он довольно засмеялся. Мне стало тошно, и я завершила разговор.

Потом началась дешевая осада. Он звонил и предлагал встретиться возле кишащего лептоспирами озера, у входа в супермаркет «Перекресток» или на стадионе возле трибун. Просил продать знакомым свой пиджак за восемь сотен зеленых. Я немела, и он быстро давал задний ход, разрешая продавать частями. Приглашал провести с ним ночь, как я понимала, тоже за деньги.

– Хочешь, мы это сделаем в парке в светлое время суток? Признайся, тебя же возбуждает, когда медленно прохаживаются склерозные старички, дети играют в прятки, постоянно выкрикивая: «Пила, пила, лети, как стрела», а я тебя имею стоя. Жестко, без предварительных прелюдий. Или давай в лифте. Представляешь, в нем расколотое зеркало, потекшие надписи на фанерке и запах... Запах человеческой мочи. Или тебе нравится играть в хорошую девочку?

– Антон, ты болен?

– Ну что ты такая прошенная. Ты же хочешь! Я вижу. Все вы поначалу корчите из себя недотрог...

И я поставила точку по телефону, не тратя живую энергию на расставание. Рано утром, когда рассвет еще был серым и небо готовило свои вены для впрыскивания кровяных телец, написала смс, что больше видеться не имеет смысла. Он ответил в два часа дня грубо и безграмотно. Написал, что я старая кошелка и что меня не выдержит ни один мужчина. И что в итоге я останусь ни с чем. А еще я фригидная, и чтобы меня завести, требуется рефрижератор. Кроме этого, пора бы взглянуть в паспорт и вспомнить свой возраст. В письме было десять орфографических ошибок и ни одной запятой.

Я покрутила перед глазами телефон, словно он был заражен какой-то вирусной инфекцией, к примеру, холерой, удалила ответ вместе с его номером. Раскрыла книгу Эльчина Сафарли – роман с мандариновым привкусом шафрана и ненавязчивой грустью. Историю отношений русской женщины и турецкого мужчины. На следующий день у меня планировалось свидание с неким Шевки, парнем из Турции, и я подумала, что может появление этой книги – особый знак? А вдруг мне уготован именно восточный мужчина с лукавыми влажными глазами? Он уже несколько дней звал на обед и спрашивал, люблю ли я суши.

– Шевки, какие суши? Ты должен кормить меня как минимум кебабом.

Он смеялся и продолжал названивать.

Шевки подъехал в четверг и осторожно припарковался вдоль дороги. Суетливо вышел, достал чахлые розы, купленные в цветочном ларьке, и поцеловал в щеку. У него были черные блестящие волосы, обильно

Ирина Говоруха

смазанные гелем, намечающийся животик и маленькие худые пальцы. Плотная облегающая рубашка с огурцами казалась маловатой, лицо слишком юным, и я задала вопрос, нарушив этим все правила свидания:

– Извини, но сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

– А тебя не смущает, что мне уже тридцать пять?

– Напротив. Меня не интересуют одногодки. Мне нравятся зрелые женщины, от тридцати. Они уже готовы к браку.

– А ты себе ищешь жену?

– Конечно, и только украинку.

– Почему? Чем тебя не устраивают турчанки?

– Они полные и смуглые. А мне нравятся стройные и светлокотье. Такие, как ты.

В машине пахло чем-то острым. На заднем сиденье лежал пакет из «Желтого моря».

– Это что?

– Суши, конечно.

– А где мы их будем есть?

– У тебя дома, конечно.

Я улыбнулась и ответила очень медленно. Как глухонемому. Практически по слогам:

– Послушай, Шевки. Я не могу пригласить тебя домой на первом свидании. У нас так не принято. Давай поедем суши где-нибудь в другом месте.

Он надул губы и стал похож на обиженного дошкольника. В черных, напоминающих маслины, глазах появились слезы.

– Где здесь магазин?

– А зачем?

– Хочу купить шампанское.

Мы сидели в его новой машине, в которой еще болтались салонные бирки. Чтобы не тратить бензин, он заглушил мотор и вытянул ключ из замка зажигания. Счетчик спидометра показывал пробег в пятьсот километров, и еще даже не было пройдено первое техобслуживание. Шевки очень боялся забрызгать салон, поэтому шампанское открывал на улице. Суши съел сам. Я не представляла, как можно есть не за столом, покрытым скатертью, не ощущая между пальцами теплое дерево палочек. Шампанское пил большими голодными глотками.

– Ты же за рулем.

Он ответил, чуть смущаясь:

– Я немного волнуюсь. Ты же станешь моей женой?

– А как же любовь?

– А разве возможно не полюбить красивую? Я хочу привезти тебя домой, чтобы соседи с почтением говорили: «Какая у Шевки красивая жена!».

– Но ты же будешь ревновать.

– Не-а. Ревновать не буду. Буду наряжать, как куклу. Золото в уши, на пальцы и на запястья. Дорогие ткани. Только батист, кашемировый трикотаж и шифон. Можно что-то из хиджаб-моды. И пусть на платьях будут нарисованы цветы, такие... яблоневые. Стану водить за руку в салоны красоты и на фитнес. Но ты не сможешь посмотреть на другого. Убью!

Я, закаленная предыдущим свиданием, уточнила:

– А чем ты занимаешься?

– Туризмом. Встречаю туристов из Турции, селю в отель и провожу обзорную экскурсию по городу: Лавра, Дом с химерами, Парк Славы и Родина-мать.

– А как долго учил русский?

Ирина Говоруха

– Долго. У вас очень сложный язык. Ко мне приходил репетитор. Когда ты выйдешь за меня замуж, я научу тебя турецкому. И еще – я очень хочу детей.

В машину стал просачиваться вечерний воздух. Он попытался меня обнять и поцеловать, стараясь максимально захватить рот своими ассиметричными губами.

– Что ты делаешь?

– Я тебя очень хочу.

– Но мы знакомы от силы два часа!

– Ну и что? У меня долго не было секса.

Я отстранилась, поправила подскочившее платье и вытерла насухо губы:

– А как давно у тебя не было секса?

Он стал загибать пальцы. Бубнить себе под нос. Качать головой, словно сбился со счета.

– Года два.

– А что так? Чем тебя не устраивают наши женщины?

– Они прежде всего хотят от меня денег. Тянут в ресторан. А я на машину копил, не мог себе позволить такие траты. И потом – с кем попало не пойду. Я пойду только с красивой, такой, как ты. Ты была в Турции?

– Нет.

– Когда у тебя отпуск? Летом? Мы обязательно с тобой полетим в Стамбул! Там познакомимся с моими родственниками и сядем за стол. Мама наготовит много блюд: питу с мясным фаршем и овощами, денер-кебаб и ишкембе-чорбасы.

– Ишкембе – это что?

– Это очень вкусный суп из говяжьих и овечьих потрошков. В него еще добавляется чеснок и уксус. Но у нас не едят свинину. Я тоже не ем свинину и почитаю

исламские традиции. А еще ты у меня будешь кушать сладости. Все девочки любят сладости: баклаву, сютлач и джезерье.

Шевки закатил глаза и поцеловал свои сложенные вместе пальцы. Я напряженно вспоминала. Баклаву помнила с пляжей Затоки. А вот что такое сютлач...

– Сютлач – это рисовый пудинг, чем-то похож на вашу молочную рисовую кашу, только с добавлением ванили. А джезерье – желе из уваренного сока моркови и граната. В нем еще много фисташек.

Потом быстро взглянул на часы.

– Торопишься?

– Да нет. Думаю, все успеем. Еще есть время до 21:00.

– Что успеем?

– Секс до футбола. Я очень люблю футбол, а сегодня играет Бешикташ и Галатасарай. Сейчас только 19:00. Времени – уйма.

И он снова полез целоваться. Жадно и настойчиво. От него пахло смесью тархана⁴, игристым вином и васоби. Я решительно его оттолкнула. Для меня целоваться с ним было равносильно поцелую с соседом, стоящим впереди меня в очереди в кассу. Хотелось заплатить за суши и шампанское, выпитое из бумажных стаканчиков. Во рту оставался картонный привкус и капли чужой слюны. Я посмотрела вверх и увидела задумчивое небо в белом великоватом шиньоне и вытянутые свободные клетки голубого воздуха. Уже прилетели чибисы и журавли. Где-то за гаражами готовилась куковать кукушка,

⁴ Традиционная турецкая высушенная смесь, которую используют в кулинарии при приготовлении различных блюд.

Ирина Говоруха

с зигодактильным строением пальцев: два пальца вперед, а два назад. Отдавало вспаханным потным грунтом: с утра начали сев хлебов, овощей и клевера.

Я с силой толкнула дверцу. Его глаза налились яростью, и мне сразу вспомнилось, что турки очень эмоциональны.

– Извини, но нет.

Шевки отвернулся, и я вышла, не прощаясь. Лицо обдало ароматом листьев брусники и березовых почек. Мокрые ступеньки еще оставались присыпанными песком. На самой верхней красовалась пасочка в виде однопалубного кораблика. Наверное, играли дети, прячась от короткого дождя. Как всегда, не работал лифт, и пришлось подниматься на восьмой этаж, размахивая травяной сумкой с короткими ручками. Цветы остались забытыми в машине.

На следующий день Шевки остыл и позвонил с невнятными извинениями, только я больше не хотела его видеть.

Третий мужчина оказался самым сложным. Коренной киевлянин, родившийся на улице Ивана Кудри в семье рабочих киевского мотоциклетного завода. Огромного роста, с непослушными волосами и громоподобным голосом. А еще с глубоко посаженными глазами, что говорило об осторожности и наблюдательности. Свою покойную маму называл не иначе как «маткой». И бабушку с прабабушкой тоже. И на втором свидании повез смотреть школу со ржавыми турниками и просевший дом, в котором прошло детство. А еще захламленный балкон с тремя стремянками и нейлоновым ковром.

Иван тоже преследовал цель жениться и даже пользовался услугами профессиональной свахи. Только никто не спешил за него выходить замуж, несмотря на двухкомнатную квартиру на Позняках, машину по имени «Ласточка» и собственный, непонятный мне бизнес.

Он работал дома. Предлагал какие-то услуги, и сделки происходили раз в десять месяцев. Деньги за это кормили его весь год. Был в разводе и по выходным забирал семилетнего сына к себе. Возил в Макдональдс и зоопарк, летом – рыбачить на Десну и загорать на Черном море. Купал в ванне, правильно стриг ногти с закруглением, лечил простуды и готовил всевозможные запеканки: кабачковую, творожную и картофельную. Он знал, как томить пшеничную кашу, как выводить чернильные пятна и где лучше покупать кедровые орешки. А еще посещал все родительские собрания и с трудом подтягивал украинский алфавит.

Во время очередной встречи в ресторане, в котором мы ели ванильное мороженое, тщательно подчищая ложкой креманку, переспросил:

– Кир, я ведь нормальный вменяемый мужик. Не курю, вечерами всегда дома, по воскресеньям жарю мясо на мангале. Машина есть, квартира после ремонта с утепленным балконом и большой лоджией. Есть куда вешать стирку, и не нужно перед этим упаковываться в кожух. Что еще этим бабам надо?

– Думаю, дело за малым. Бабам, как ты выражаешься, нужна любовь.

– Я тебя умоляю! Какая любовь? Она пройдет через год. Проверено! Люди живут вместе по взаимной выгоде. Я могу предложить многое: кров, стол и секс.

Ирина Говоруха

– Более чем достаточно.

– Издеваешься?

– Даже не думала.

Он посмотрел в окно, за которым сумерки уже напоминали спелую ежевику, и поскреб ногтем маленькое молочное пятнышко на скатерти:

– Ты ведешь таблицу расходов?

– Нет.

– Как нет? Это же очень важно! Ты должна понимать, что и куда ты тратишь. Чтобы в следующем месяце не совершить бездумных покупок.

Я вспомнила, как моя знакомая прятала от мужа новые трусы, потому что он регулярно садился к окну, включал лампу и перебирал сваленное на столе белье: «Вот здесь можно зашить, здесь поменять резинку, в этих – старую вставку заменить на новую». У другой отец требовал записывать расходы в тетрадь и раз в неделю их проверял. В его очках не хватало дужки, и приходилось постоянно их ловить то на полу, то на штопанных коленях. Однажды он увидел в таблице бутылку минеральной воды, зачеркнул запись жирной линией и попросил впредь не тратить деньги на такую ерунду.

Она стала оправдываться, перебирая вспотевшие пальцы:

– Так жарко же было.

– Не умерла бы. Бери из колонки и носи с собой. Но воду больше не смей покупать!

Я задумалась, и он встряхнул меня за плечи:

– Кир, ты меня слышишь? Хочешь, поделюсь, как я планирую свой бюджет?

Я нехотя кивнула.

– Гривен девятьсот у меня уходит на бензин и на техобслуживание. Еще тысячу я даю бывшей жене на сына.

– Сколько? А не мало?

– Я тебя умоляю! Это даже больше, чем достаточно.

– На продукты трачу полторы. Вещи покупаю по случаю – одну, максимум две рубашки в год. Джинсы у меня тоже одни, и когда они в стирке – надеваю вельветовые штаны. Две-три футболки. А зачем больше? Кстати, ты ничего не замечаешь? Что во мне изменилось?

Я растерялась. Попыталась рассмотреть цвет глаз, толщину бровей и ремень с широкой пряжкой. А потом сказала наобум:

– Новая рубашка?

– Точно! Вчера купил. И совсем недорого, хотя фирма *(ударение он ставил на последний слог)*.

Иван полез куда-то в сторону боковых швов и долго там шуршал. Искал бирку. А когда нашел, радостно вынырнул и подтвердил:

– Я же тебе говорил, что фирма – Frantini. Была распродажа вещей прошлого или позапрошлого сезона.

Я подняла голову. Он расценил это как осуждение, и стал защищаться:

– Хочешь привязать сюда моду? А что мне мода? Мода – это все искусственно придуманное, временная, кем-то навязанная модель. А на самом деле все закручено с одной единственной целью – развести нас на деньги. И я совершил эту покупку только из-за тебя. Мне ведь нужно произвести впечатление...

Ирина Говоруха

Я промолчала. Не хотела его огорчать тем, что мне абсолютно все равно, какая ткань прикрывает его тело. И как в ней прострочены края – трехшаговым зигзагом или потайным швом.

– Я отвлекся. Ну, еще гривен пятьсот трачу на игрушки и школьные принадлежности. За коммунальные услуги – шестьсот. Остальное – мелочи: бумага для принтера, оплата мобильного, консьержка, стоянка для авто, тренажерный зал. Кстати, ты заметила, в какой я сейчас форме?

– А в какой ты был?

– О... – Иван втянул живот и поправил рукав тенниски, акцентируя мое внимание на своих самых обычных мышцах. – Под сто сорок кило, и у меня даже остались на антресолях фотографии с тех времен. А как-то в гостях познакомился с девушкой, тренером по фитнесу. Она совсем помешалась на здоровом питании, кардиосессиях и силовых тренировках. Худая, как щепка, и вечно голодная. Ноги – не поверишь! – две японские палочки, и шея как у черного лебедя.

Как-то в июле мы пошли с ней на пляж. Может, помнишь, два года назад стояла жара. Плотная, чисто рыбный студень. И мух тем летом было немерено. Пришлось всю квартиру залепить москитными сетками. Я перед этим забежал в магазин и купил килограмм копченых окорочков, свежего хлеба, аж горячего, помидоров и крылышки-гриль. Ну, надо же что-то у воды есть. Мы разделись, сложили стопкой одежду, и я заметил, что она поджала губы. Наверное, не впечатлил голеньким. А когда сели кушать, увидела, как я с аппетитом все поглощаю, и взбеленилась. Высказалась и о животе, что

ложится на колени, и о консервантах, и о будущих проблемах с эрекцией. А под конец пригрозила перестать со мной встречаться, если я не сброшу вес.

С тех пор начались мои тренировки. Я занимался в зале три раза в неделю, отказался от жирного и хлеба, и потихоньку килограммы начали уходить. И вроде уже неплохо похудел, а она даже не чешется что-либо менять в своей жизни. Я ей говорю: «Рита, что тебе еще нужно? Я же не мальчик сопливый». И представляешь, что она мне отвечает: «Мне неудобно перед подружками за твою машину».

Ну да, у меня в тот момент был Daewoo Lanos. Но ведь она же будет спать со мной, а не с машиной! Короче, поменял я машину, Ритка со мной переспала и пропала. Я выдержал две недели, а потом звоню ей и говорю: «Значит так, дорогая, ты или спишь со мной, или не спишь! Я же здоровый мужик! Мне нужен регулярный секс!»

И мы встретились еще раз. И все прошло неплохо, вижу, вроде как осталась довольна, но больше она не появлялась и не отвечала на звонки...

Мы сидели в маленьком кафе возле станции метро Арсенальная, и смотрели на прохожих через пыльные стекла. Кофейный запах разбавлялся всевозможными топпингами и взбитыми масляными кремами. Густо разросшиеся цветы в разномастных кадках настырно щекотали листьями руки, шею и запутывались в волосах. В кафе между столиками был узкий проход, и крупное колено Ивана время от времени прикасалось к моему. Приходилось неудобно закручивать ноги и упираться в холодную чугунную батарею. Он заказал еще чай и

Ирина Говоруха

горячий вишневый пирог. Я больше не хотела есть, поэтому сдувала пудру, прокалывала вилокй тесто и нечаянно забрызгала платье. Иван кинулся с салфетками и размазал еще больше.

– Поехали ко мне, постираемся.

– Вань, не страшно. Я прикрою шарфом.

Он погрузстнел, убрал руки, поковырялся в своем куске и с обидой сказал:

– Ты относишься ко мне как к другу.

Мне стало его жалко:

– Вань, но любые отношения начинаются именно с дружбы.

Иван спохватился, приосанился, отложил вилку и попытался закончить мысль:

– Так вот, о бюджете. В целом, в месяц я трачу пять-шесть тысяч. Остальное откладываю на черный день. Я вообще очень люблю копить. И ты знаешь, в моей кубышке уже достаточно внушительная сумма. А какой бюджет у тебя?

Я не успела взбеситься от бестактности заданного вопроса, как он перевел разговор на другую тему и намекнул, что в жизни любил два с половиной раза. Было понятно, что эта красивая цифра была придумана заранее в расчете на то, что я обязательноотреагирую. Он хитро подмигнул, подозвал официантку, игриво дернув ее за ажурный передник, и попросил счет.

– Первая любовь случилась в институте. Абсолютно платоническая. Мы встречались около года, как два перепуганных оленя, и я ее пальцем не тронул. Целовались от силы два раза, почти не попадая в губы. Я провожал ее домой на троллейбусе, а сам шел пешком, потому

что денег на обратный билет не было. А однажды так торопился, что упал и порвал единственный костюм. Колени превратились в решето, и я очень боялся в этом признаться матери. Она была строгой, даже суровой, и за любую оплошность могла запросто дать мне по морде.

Однажды с любимой сидели в парке под тюльпановым деревом. Как сейчас помню – в партерной части старого ботанического сада. Ничего не предвещало бури, и наш неторопливый разговор касался только институтских тем. Неожиданно она поднялась с лавочки, поправила примятую плиссированную юбку и сказала: «Мы больше встречаться не будем. Я от тебя ухожу». Я растерялся, тоже вскочил на ноги, споткнулся о вросший в землю камень, больно ударив большой палец: «Почему? Мы ведь даже не ссорились! Должна же быть какая-то причина?» – «Да. Причина есть. Я просто тебя не люблю».

Она ушла, не оборачиваясь, а я смотрел ей в спину. Хрупкие солнечные лучи касались позвоночника и тут же ломались надвое, как карандаши с мягким грифелем. Я тогда впервые в жизни плакал и стонал от невыносимого жжения в глазах. Плелся по улице Коминтерна и не стеснялся своих мужских крокодильих слез.

Потом появилась Варя, и в скором времени мы поженились. Она была простенькой девушкой из очень бедной семьи, круглый год ходила в короткой джинсовой юбке и, кажется, сама сделала мне предложение. Во всяком случае, я не помню, чтобы его делал я. Просто перед самыми выпускными, сидя у меня на кухне и подавая кильку в томатном соусе с черным хлебом, озвучила, что ей давно пора замуж. Я говорю: «Хорошо, Варь, я

Ирина Говоруха

не против, только давай подсчитаем наши доходы». Мы сели, прикинули. Жить отдельно не получалось – разве что с моими родителями. Совместного бюджета хватало только на еду и самую необходимую одежду. Я спросил: «Тебя устраивает такая жизнь?» Она согласилась, энергично закивав, но потом три раза от меня уходила.

Первый раз из-за того, что нас родители поселили в проходной комнате. Отец страдал простатитом и по несколько раз за ночь вставал в туалет. Мать с пяти утра уже не спала и громко вздыхала на кухне, стуча крышками от кастрюль и наполняя все пространство жареным луком. Она обваливала его в муке, потом жарила в кипящем масле крупными кольцами и считала самым сытным и дешевым блюдом. А еще не могла понять, как можно спать до семи. И Варя после очередной бессонной ночи собрала в свою потрепанную сумку периодику, подкрасила в прихожей губы и ушла, сказав у двери, что в таких условиях жить невозможно и что вся ее одежда провонялась луком. «Ишь ты! – крикнула тогда с кухни мать и пригрозила вафельным полотенцем с чайными пятнами. – Условия ей не подходят! Мы, кажется, тебя не из замка брали».

А потом набросилась на меня с упреками, что Варя ей с первого дня не понравилась: «Корыстная она, ей богу, корыстная. Ей не ты нужен, Ванечка, а наша жилплощадь».

Потом мы все-таки помирились, нас переселили в большую комнату, и она снова перевезла свои журналы по бухгалтерии и девичьи дневники. Причиной новой ссоры послужило мое нежелание ехать на день рождения к ее сестре. Но клянусь, все произошло совсем не

так. Я подъехал за ней на работу и долго ждал на проходной. Было промозгло, шел первый жидкий снег, и приходилось постоянно включать печку, разбазаривая бензин. Варя задерживалась из-за квартальных отчетов, а когда наконец-то вышла, ехать уже не было смысла. Город намертво сковали пробки. Она с удивлением посмотрела на часы, промямлила, что мы единственные гости и сестра давно ждет за накрытым столом, а потом расплакалась и пулей влетела в метро.

В тот вечер она домой не вернулась. Не появилась и на следующий день, и через неделю. Не звонила и даже не поздравила меня с именинами. Не приезжала за одеждой и новыми, пару дней назад купленными, сапогами. Я думал – все, теперь точно конец, но оказалось, что она беременна, и мы опять стали жить вместе.

Встретились случайно на рынке, когда в воздухе уже пахло мимозой и тепличными тюльпанами. Она стояла бледная, заметно располневшая у ящиков с апельсинами. В мокром бабском платке и холодной куртке. Я тогда задал один единственный вопрос: «Чей ребенок?» Варя, не мигая, ответила, что мой, и мы больше эту тему не поднимали. Вечером приехали домой, и я даже подарил ей серебряный кулон с гранатовой каплей и несколько банок любимых консервированных ананасов. Но сомнения оставались, и я частенько сушил голову над календарем беременности, считая и так, и эдак. А когда родился сын – мгновенно успокоился. Дело в том, что у нас есть семейное родимое пятно.

Иван низко наклонился над столом, так что я увидела курчавые волосы в его ноздрях, и заговорщицки прошептал:

Ирина Говоруха

– На яичках. У всех мужчин нашего рода оно существует. И как только ребенка принесли из роддома, я первым делом его распеленал и развернул худенькие, похожие на лягушачьи, ножки. Пятнышко было на месте. Потом позвал тетку, мамину родную сестру, и переспросил: «Такое?» Она поднесла малыша к окну, заодно проверила, как заживает пупок, и утвердительно кивнула.

Последний раз Варя ушла потому, что я купил квартиру, но ее не прописал. А как я мог прописать? Мне мама не разрешила. Она сказала, что в случае развода не позволит раздеть меня до трусов. И даже не представляет, чтобы я мыкался с чемоданами и баулами по съемным углам. Так и получилось. Варя схватила подмышку нашего трехлетнего бутуза, запихнула в сумку его паровоз и голубые маечки и в очередной раз хлопнула дверь. Мое терпение лопнуло, и я твердо решил, что больше возвращать ее не буду. Но поверь, у нее до сих пор никого нет. Каждый раз, когда я забираю сына, угловым зрением отслеживаю обувь в прихожей. Там стоят только Варины домашние тапочки с пушком, босоножки на танкетке и туфли, в которых она ездит на дачу. И никакого намека на мужские кроссовки или полуботинки. Мы уже несколько лет общаемся только через порог, и она в жизни не позвонила в субботу, чтобы узнать, как там наш сын. Что ел на завтрак и сделали ли мы уроки. Ты же не против, если в выходные дни он будет жить у нас?

Я рассеянно кивнула. Принесли чек. Иван долго хмурился, считал в уме, а потом пошел выяснять у бармена, что к чему. Вернулся вразвалочку, промокнул лоб

платком и отследил свое отражение в зеркале. Увиденным остался доволен:

– После развода прошел год, и мне нужно было срочно налаживать свою сексуальную жизнь. Я задался целью найти любовницу и, конечно же, нашел. Девушка оказалась замужем, но в сексуальном плане ее не устраивал муж. Она хотела пять раз в неделю, а муж от силы мог пять раз в месяц. И мы стали встречаться. Смотри, вот ее фото.

Он стал листать телефонный журнал и тыкать пальцами в фото худенькой обнаженной девушки с интимной стрижкой в виде шаловливой змеи. Она лежала на диване головой вниз, а ее стройные ноги с «четырьмя окошками» были подняты и смыкались в одной точке. На ногтях темнел лак цвета баклажан.

– Правда, красивая? Так вот, мы встречались год. У меня дома. Она приходила в свой обеденный перерыв, ела свежий суп, который я варил за час до назначенного времени, ложилась в постель, кричала, как кошка, а потом принимала душ и упархивала. Со временем я начал влюбляться и поставил вопрос ребром. Она опешила, так как уходить от мужа не собиралась, и мы вынуждены были расстаться. Может, что-то расскажешь о себе?

– Нет.

Я уже внимательно изучала свой телефон, ерзала и морщила лоб.

– Спешешь?

– Да. Дома есть дела.

– Я тебя умоляю! Подождут твои дела. Посиди еще. А знаешь, на что прежде всего обращаю внимание, знакомясь с девушками?

Ирина Говоруха

– Нет.

Иван рассмеялся, обнажив розовые припухшие десны.

– Прежде всего, я смотрю на зубы. То есть на их наличие и целостность. Они должны быть ровными и белыми. Потом на руки – есть ли маникюр. И только потом на ноги. Ноги у девушки должны быть стройными и женственными. Без растяжек, дряблости и всяких там сосудистых звездочек.

– Хочешь, открою рот пошире? Вдруг ты не все рассмотрел?

– Кирка, не ерничай.

– Но, я так понимаю, тест прошла?

– А как же, дорогая! Ножки у тебя такие хорошенькие.

Я решительно встала из-за стола...

На следующий день он встретил меня после работы. Было начало седьмого. Сизые голуби гуляли по проезжей части. Они клевали какие-то семена, отправляя их прямо в зоб, и продолжали свой необременительный променад. Иван держал в руках букет желтых нарциссов и заправлял в брюки еще одну новую рубашку.

– Я здесь припаркуюсь и зайду в МакДональдс. Ты не против, если мы возьмем еду с собой и посидим на лавочке? Посмотрим, как пацаны рыбачат.

Мне было все равно. От него очень пахло потом, наверное, от волнения, и нарциссовым маслом. Я вдруг вспоминала, что мужчинам для увеличения потенции нужно пить воду из их цветков, а женщинам – этой же водой омыwać грудь.

День подходил к концу, и люди с одинаковыми лицами, в одинаковых синих куртках спускались под землю. На противоположной стороне в «Евразии» уже открыли летнюю площадку, и продавец мобильных карт заинтересованно туда посматривал. Иван вернулся быстро, держа в руках пакет древесного цвета. В нем была маленькая картошка фри, гамбургер, шесть наггетсов и один стакан кока-колы. Через пару минут мы оказались на Русановской набережной, и он достал из багажника старое махровое полотенце. Постелил его на лавочке, разложил на коленях еду и мгновенно выхватил гамбургер:

– Ешь досыта.

И съел его в один присест. Я не успела перевести дыхание, как он съел всю картошку. А потом, увидев нетронутые наггетсы, уточнил:

– Что, не хочешь? Не голодная?

И начал целиком бросать их в рот.

Я рассматривала рыбаков с поникшими удочками, уставшую от пресса льда воду, его огромные ботинки и оксфордскую ткань рубашки, с которой он оттирал соусное пятно.

– Правда, хорошо? Согласись, так приятно посидеть после работы, перекусить вкусеньким и просто поболтать ногами. Снимай туфли!

И он с силой потянул за острый каблук. Я больно брыкнула ногой, он мигом успокоился, а потом задумчиво произнес:

– Я недавно был на свадьбе своего двоюродного брата и вот что подметил. Все пришли парами, выпили, закусили. Женщины положили головы мужьям на плечи.

Ирина Говоруха

Затянули песню... И я поймал себя на мысли, что тоже хочу так жить: вместе в гости, немудреный разговор за столом, твоя голова у меня на плече...

Мы встречались долго. Кажется, двадцать пять дней. Он звонил и говорил:

– Дорогая, я только пришел из зала и лежу голенький на кровати. Слава Богу, два раза за эту неделю уже отстрелялся. Сейчас отдохну и пойду съем салат. Хочешь знать, что туда положу? Два вареных яйца, редисочку, зеленый лучок, огурчик. Посолю и заправлю сметанкой. Может, приедешь ко мне?

– Я не голодная.

– Да не волнуйся ты так! Я тебя пальцем не трону. Положу в другой комнате.

– Спасибо, нет.

– А ты знаешь, что я все наши разговоры записываю?

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы помнить, о чем говорили. Чтобы проверять, не «гакаю» ли я.

– И что – не «гакаешь»?

– Послушаешь нашу вчерашнюю беседу?

– Нет.

– Но ты все-таки послушай...

Однажды разговор зашел о сексе.

Он много раз касался этой темы издали, словно пробирался сквозь лососевый туман. Жонглировал словами об эрогенных зонах и пятне Грэфенберга⁵, по-

⁵ Участок на передней стенке влагалища, размер которого у некоторых женщин увеличивается при половом возбуждении и усиливает оргазм.

казывал откровенные фото в телефоне, а потом спрашивал, знаю ли я, что такое интросмиссия⁶. Иван в этой теме чувствовал себя очень уверенно, говорил со знанием дела и некоей авторитарностью. Подчеркивал, что интимным играм и секретам в свое время его научил товарищ, и сына он тоже научит. Поворачивался ко мне, отстегивая ремень безопасности, поднимал палец вверх и репетировал, как это будет доносить сыну: «Никогда не надевай презерватив. Ты ничего в нем не почувствуешь. Не хватало, чтобы баба получала удовольствие, а ты нет. Просто всегда после секса помойся».

Я фыркнула, а потом стала громко смеяться:

– И что, он вымоет мылом гонорею?! Ты что, с ума сошел?! Это полный бред!

Иван обиделся и привел в пример какого-то заводского парня, с которым работал в одной смене.

– Он был самым настоящим ловеласом. И ничего, что промасленная тряпка за поясом, а ладони намертво покрасил черной мазут. Он не пропускал ни одной юбки и частенько это делал прямо на работе, запираясь на складе. И куда какому-то Казанове, у которого женщин насчитывалось всего-то около ста двадцати. Мы у него спрашивали, как он не боится заразиться, и он поделился секретом, что всегда после секса тщательно моется с мылом.

– И ты хочешь сказать, что если когда-то у нас будет близость, ты не станешь предохраняться?

⁶ Введение полового члена во влагалище.

Ирина Говоруха

– Нет, конечно. Есть масса других способов. Например, таблетка аспирина или спринцевание уксусом.

– А как же инфекции?

– У меня нет инфекций.

– А когда ты был у врача?

– Никогда.

– А ты в курсе, что у Казановы был полный набор венерических заболеваний?

Он посмотрел на меня с жалостью:

– Кирка, я тебя умоляю! Не умничай.

Говорить дальше не было смысла. Но меня несло:

– А когда ты думаешь начать сексуальное воспитание сына?

Он даже не задумался, и было понятно, что решение принято давно:

– После окончания школы. Вот как получит аттестат, так и поговорим по-мужски.

– Мне кажется, говорить уже будет не о чем. Ты опоздаешь на пару лет.

– Что ты несешь? А когда вовремя – в пятнадцать? Да что ты знаешь о моей семье? На первом курсе мать нашла у меня художественную книжку с женской грудью на обложке. Она плевалась слюной, била по морде и кричала, что я извращенец и проститут. Я был в этом деле поздним, и сын мой будет именно таким.

Последним нашим свиданием стал ужин в его доме. На календаре только зарождался май, и ночи по цвету уже напоминали тенарову синь, уравнивая между собой шпинатную, тимьяновую и базиликовую зелень.

Наступило воскресенье – день Красной горки⁷. Пышно цвели яблони и крепкие гиацинты. По улицам прохаживались одинокие женщины под руку с близкими мужчинами. Они свято верили, что благодаря этому ритуалу обретут долгожданное счастье.

Мы ехали и ругались. Я была взвинчена затянувшимися отношениями, своей инфантильностью и открыто его провоцировала. Иван усиленно отбивался. На коленях тяжелела коробка с бокалами для красного вина на черных худощавых ножках. Она подпрыгивала на ухабах, а я говорила, что ненавижу готовить и не переношу запаха сырой рыбы. Иван доказывал, что стоять у мартена – прямая обязанность женщины, и нечего здесь изобретать велосипед.

– Ты знаешь, моя Варя тоже первое время воротила нос. Я привожу щуку с рыбалки, а она чистить отказывается. Я полдня удил, а она, видишь ли, боится, что та ее укусит. А однажды заглянул на кухню, а у щуки завязан рот бинтом. На бантик.

Потом вздыхал и ласково, даже жалостно спрашивал:

– Кирюша, ну что с тобой? Я ужин приготовил, шарлотку испек, фильм для тебя скачал.

Мне становилось стыдно, и я просила прощения.

Его дом был странным. В каждой комнате среди современной мебели обязательно стояло что-то из прошлого.

⁷ Празднуется в первое воскресенье после Пасхи и символизирует полный приход весны. Связан со многими любовными ритуалами.

Ирина Говоруха

Притом далекого. В коридоре – полированный трехдверный шкаф. В спальне, рядом с большой кроватью, накрытой покрывалом с гигантскими розами – жалкое трюмо с треснутым лаком и такой же табурет. В большой комнате по центру – шатающийся столик с бесформенной тряпкой вместо скатерти. Точно такая же была у моих родителей, и в ней они переносили сорняки с огорода. В детской – кресло с вылезшими пружинами и бурым поролоном.

Но оригинальнее всего оказался ряд открытых полок в прихожей – от пола и до потолка. На них размещались книги, пыльные пустые банки, коробка с шашками и домино, старый шланг от пылесоса, дырявый дуршлаг, шпагат, связка желтых газет, портфель, с которым он когда-то ходил в школу, дипломат отца и несколько клубков «Дарничанки». Сверху нависал кусок войлока, детские мальчишковые валенки и потертый ремень. Откуда-то из глубины вылетела платяная или войлочная моль. Я не успела рассмотреть, как Иван пришиб ее одним мощным ударом.

Он подвел меня к окну, заставил посмотреть вниз, а потом заговорил, стараясь зацепить губами ухо.

– Видишь, справа школа. Ребенку даже дорогу не нужно будет переходить. Слева и чуть назад – два детских садика. Внизу – игровая площадка. Ты можешь готовить и просто за ним приглядывать.

– Приглядывать за кем?

– За нашим ребенком.

Потом он развернул меня к себе и сказал очень жалобно:

– Послушай, Кирка. Переезжай ко мне. Сколько мы можем встречаться в машине и в кафе? Будем жить, как все, – обычной человеческой жизнью.

– А как все – это как?

– Ужинать на кухне, по субботам – генеральная уборка квартиры и стирка, конечно. По выходным – шашлыки или рыбалка. Летом можно снять домик в деревне и спокойно заниматься прополкой зеленого чеснока и заготовками на зиму. По утрам – купаться в речке. В воскресенье – ездить за продуктами в супермаркет.

– Мне нужна домработница.

Он присвистнул.

– Я всю жизнь убираю сам. Не хватало, чтобы какая-то чужая баба гремела в нашем доме ведрами и заглядывала в мои труханы. Что соседи скажут? Что я привел в дом жену и отдельно уборщицу?

– Вань, я театр люблю. Мне музыка нравится. Я не хочу посвящать себя домашнему хозяйству.

Он махнул рукой и ушел на кухню.

Мы сели смотреть фильм.

– Подожди, я должен переодеть футболку. Эта новая, только вчера купил.

Он нашел в шкафу растянутую майку с множеством старых майонезных пятен и натянул на себя. Тяжело сел на пол.

– Почему ты на полу?

– А у нас в доме правило – на диване не есть.

Я упрямо уселась на диван, держа на тарелке небольшой кусок яблочного пирога. Шарлотка по вкусу

Ирина Говоруха

напоминала бисквит. Дома мы готовили ее совсем по-другому: из белого хлеба, заварного крема, яблок и ликера.

– Кирюха, о чем ты говоришь? Так уже никто не делает, разве что в каком-то далеком от цивилизации селе. Все намного проще. Кислые яблоки заливаются тестом из четырех яиц, стакана сахара и стакана муки. Тридцать минут в духовке – и красота! Пойду-ка, еще положу кусочек.

После фильма он полез целоваться. Я мгновенно превратилась в ежа. Полные влажные губы и большие руки, как у мясника, не вызывали никаких ощущений. Словно мое тело было из того поролона, что в детской.

– Вань, я не хочу.

– Глупая, ты даже не представляешь, какой я в постели. И потом – я всегда довожу женщин до оргазма и могу отличить клиторальный от вагинального.

– Ты уверен?

– А то...

Он так же быстро успокоился, как и завелся, смахнул сахарную пудру со штанов и стал рассказывать:

– Совсем недавно у меня была любовница. Молодая женщина двадцати пяти лет. Неплохая фигура, грудь как надо, третьего размера. И все было неплохо, если бы не некоторые неудобства и трудности. Мы встречались по пятницам. Она жила на Троещине, в самом конце, на улице Кутузова, недалеко от залива Доманя. Я туда потом ездил на рыбалку. В тех местах хорошо клюет карась, окунь, судак и даже щука с сомом. Раков много. Я тебе рассказывал, как моя бывшая жена чистила щуку? Она ей челюсти завязывала бинтом.

Иван подождал, пока я выдавила что-то похожее на улыбку, и только потом продолжил:

– Так вот, я отвлекся. Встречи оказались слишком затратными. Мне нужно было ее привезти, накормить ужином, приготовить ванну, покувыркаться в постели и доставить домой. А потом вернуться за полночь в разгромленную квартиру, в которой валялись покрывала, мокрые халаты и липкие простыни. Короче говоря, полный кавардак. А в субботу я забираю сына. Получается, нужно встать в семь, убрать квартиру и ликвидировать последствия нашего свидания. Да и по финансам выходило много. Бензин, виноград, бекон и хорошее белое вино. Последней каплей стала ее наглость. Сидит себе на диване, вся такая разнеженная, а я мою посуду на кухне. Не поднимая попы, кричит: «Принеси мне виноград». Вот тогда я не выдержал и очень доступно объяснил, что не являюсь прислугой и что не мужское дело возиться на кухне. Она испугалась, заплакала, стала просить прощения, только я твердо решил: уж слишком дорогим получался секс. Но ты не переживай, она всегда оставалась довольной. Даже жаловалась, что все натерто внутри...

С Иваном мы больше не встретились. Он звонил еще десятки раз, насилуя корпус телефона, и упрекал:

– Но ты же провела со мной целый месяц. Ты отобрала время у себя, у меня, у других, более достойных девушек.

После этого я твердо решила: больше никаких свиданий. Как минимум полгода. Лучше буду читать до головокружения, спать у мамы в гамаке, пить свои любимые

Ирина Говоруха

молочные коктейли, разжевывая малиновые косточки, слушать восточную музыку и посещать тренинги по личностному росту.

Но на следующий день ко мне «постучалось» письмо. Словно синица с глазами-бусинками и желтым галстуклом прошла клювом по монитору компьютера. Письмо было в стильном конверте из ПВХ – пластика нежно-весеннего цвета, а я сидела и думала: а может, не открывать? Сколько до этого было писем. И от свиданий уже металлический привкус во рту. И лень куда-то собираться. Покрывать ногти коралловым лаком, маскировать дефекты пудрой и распылять запах от Жака Кавалье⁸.

Писал некий Матвей, которому знакомые дали мой адрес. Писал коротко, сжато и по существу. Слова наслаивались друг на друга, и получалась ажурная картинка. И не было ничего лишнего и бестактного. Просто вся жизнь, скупо уложенная в десяти предложениях.

Он рассказал, что ему сорок лет, разведен, есть дочь и мечты. И нужна женщина, с которой мечты можно было бы воплощать. Упомянул, что крепко стоит на ногах и любит путешествовать.

Я прочла, потрогала фразы и согрелась. От текста исходило тепло. Словно от камина в охотничьем домике.

На снимках был обычный мужчина с волевым подбородком, намечающейся лысиной и плотно сжатыми

⁸ Известный парфюмер, который 25 лет совершенствовал жасминовый аккорд. Обладатель парфюмерного «Оскара». Создатель 30 хитов.

губами. Глаза цвета зеленых оливок и сушеной дубовой коры, коротко остриженные волосы и высокий лоб четырехугольной формы. Он смотрел прямо в объектив длинным, внимательным и цепким взглядом. В голубой футболке швами наружу и в джинсах классического покроя с пятью карманами и шириной штанины в двадцать сантиметров. На ногах – черные спортивные туфли. Было видно, что он обладает незаурядным интеллектом, практической хваткой и способностями организатора. Потом закрыла крышку ноутбука и окунулась в свой легкий, воздушный, словно взбитый миксером, день. День, в котором еще полностью принадлежала себе.

На следующее утро открыла почту еще раз и стала собираться на работу. Моросил дождь, больше напоминающий пыль. Он шел прямо из космоса и пах порохом. Распустилась сирень, которую моя соседка называла «шамаханской царицей», и ароматный шиповник. Круглолицые одуванчики в зеленых байковых колготах играли в «Море волнуется раз». Их полные ноги с икрами-бутылками очень потели в ворсистой хлопчатобумажной ткани. У соседей проснулась годовалая девочка, и ей включили мультики. Это была азбука для малышей, и экран компьютера подробно объяснял, зачем нужны буквы и слова. И я вдруг поймала себя на мысли: а действительно, зачем? Мы все равно друг друга не понимаем и вкладываем в каждое слово свой исключительный смысл, а в каждое предложение – особую интонацию. Может, причина в разрушении «Священного языка» во время строительства Вавилонской башни? Или в нашем нежелании услышать друг друга? А может, чего-то не учел варшавский окулист Заменгоф, создавая свой

Ирина Говоруха

искусственный язык эсперанто? И не нужно было брать за основу латынь и оставлять двадцать восемь букв? Может, для лучшего понимания нужна двадцать девятая?

Это было обычное утро среды. Влажная черная земля, немного похожая на козинаки, источала аромат тахинной халвы. На тарелке досыхали кусочки задревеневшего сыра, забытого еще с вечера. В чашке – сок из пакета. Кажется, красный сицилийский апельсин, от которого сильно окрашивался язык. Сердце стучало спокойно, неспешно, словно прогуливалось по вечерней набережной, заставленной мольбертами и тележками с молочными коктейлями. В нем еще не было ощущения взлета и падения, чечеточных переплясов и внезапной полной остановки.

В форточку лез ветер. Как всегда – наглогато. Я попыталась определить, чем он пахнет. Немного бубликами с маком (*у меня под домом – мини-пекарня*), мокрым песком, а еще молодыми бархатными листьями смородины. И если бы сейчас в этот песок ударила молния, он сразу бы превратился в чистое стекло. И вспомнился стих Анджи Пашкова:

*У зимнего ветра волшебный запах –
Стеклянных шаров на еловых лапах.
Ветры весенние пахнут прелестно –
Свежестью, первой травой и лесом.
Пахнут летние ветры особо –
Яблоком спелым, сеном и медом.
У ветра осеннего запах с горчинкой –
Клюквы, грибов и первой снежинки...*

Рабочий день тянулся медленно. Редкие телефонные звонки, приостановленные контракты и теплый гул четырех работающих компьютеров. Все наши клиенты отдыхали в Египте, Марокко и Греции, и поэтому офисная темень в эти дни, как никогда, раздражала. Окна не пропускали сбитые комья солнца, напоминающие сырые желтки, и свежий яблочный воздух. Когда-то у мамы был дезодорант «Юлия». Он пах именно так – крепкими зелеными яблоками. И я тайком от нее обрызгивала грудь, ноги и за ушами, и потом еще долго хранила пустую бутылочку со сжатым яблочным воздухом на самом дне.

Ближе к обеду перечитала письмо еще раз и скупно на него ответила. Оно меня держало, словно на привязи, и искушало своим стилем. Терпеливостью и чувством такта. Я написала, что он интересный самодостаточный человек с логично построенным внутренним миром, а я совсем другая – творческая, эмоциональная и ранимая.

Ответ ушел так быстро, будто его проглотила галактическая воронка с двумя аномальными рукавами. За окном продолжал работать тощий, как цапля, строительный кран. Он постоянно наклонялся на замшелую старую крышу, стонущий роддом №7 и студенческую «стекляшку» с жареными пирожками.

На столе остывал кофе, заваренный в чайной чашке. В горьковатом коричневом паре прорисовывались силуэты гарцующих лошадей. Я добавила в него ложку абрикосового сиропа и выпила двумя большими глотками. Посмотрела на часы. До выходных оставалось двадцать пять часов.